

торые были бы созданы гением Платона и Аристотеля.

И, конечно, все описания придуманных из головы государств – не более чем смехотворная блажь, непригодная для практического осуществления. Ожесточенные и бесконечные споры о наилучшей форме общественного устройства и о началах, способных нас спаять воедино, являются спорами, полезными только в качестве упражнения нашей мысли; они служат тому же, чем служат многие темы, используемые в различных науках; приобретая существенность и значительность в пылу диспута, они вне его лишаются всякой жизненности. Такое идеальное государство можно было бы основать в Новом Свете, но мы и там имели бы дело с людьми, уже связанными и сформированными теми или иными обычаями; ведь мы не творим людей, как Пирра или как Кадм. И если бы мы добились каким-либо способом права исправлять и перевоспитывать этих людей, все равно мы не могли бы вывернуть их наизнанку так, чтобы не разрушить всего. Солон как-то спросили, наилучшие ли законы он установил для афинян. "Да, – сказал он в ответ, – наилучшие из тех, каким они согласились бы подчиняться".

Варрон приводит в свое извинение следующее: если бы он первым писал о религии, он высказал бы о ней все, что думает; но раз она принята всеми и ей присущи определенные формы, он будет говорить о ней скорее согласно обычаю, чем следуя своим естественным побуждениям.

Не только предположительно, но и на деле лучшее государственное устройство для любого народа – это то, которое сохранило его как целое. Особенности и основные достоинства этого государственного устройства зависят от породивших его обычаев. Мы всегда с большой охотой сетуем на условия, в которых живем. И все же я держусь того мнения, что жаждать власти немногих в государстве, где правит народ, или стремиться в монархическом государстве к иному виду правления – это преступление и безумие.

Уклад своей страны обязан ты любить:

Чти короля, когда он у кормила,
Республику, когда в народе сила,
Раз выпало тебе под ними жить.⁹¹

Это сказано нашим славным господином Пибраком, которого мы только что потеряли, человеком высокого духа, здравых воззрений, безупречного образа жизни. Эта утрата, как и одновременно постигшая нас утрата господина де Фуа, весьма чувствительны для нашей короны. Не знаю, можно ли найти в целой Франции еще такую же пару, способную заменить в Королевском Совете двух этих гасконцев, наделенных столь многочисленными талантами и столь преданных трону. Это были разные, но одинаково высокие души, и для нашего века особенно редкие и прекрасные, скроенные каждая на свой лад. Но кто же дал их нашему времени, их, столь чуждых нашей испорченности и столь неприспособленных к нашим бурям?

Ничто не порождает в государстве такой неразберихи, как вводимые новшества; всякие перемены выгодны лишь бесправию и тирании. Когда какая-нибудь часть займет неподобающее ей место, это дело легко поправимое; можно принимать меры и к тому, чтобы повреждения или порча, естественные для любой вещи, не увели нас слишком далеко от наших начал и основ. Но браться за переплавку такой громады и менять фундамент такого огромного здания – значит уподобляться тем, кто, чтобы подчистить, начисто стирает написанное, кто хочет устранить отдельные недостатки, перевернув все на свете вверх тормашками, кто исцеляет болезни посредством смерти, *non tam commutandarum quam evertendarum rerum cupidus*.⁹² Мир сам себя не умеет лечить; он настолько нетерпелив ко всему, что его мучает, что помышляет только о том, как бы поскорее отделаться от недуга, не считаясь с ценой, которую необходимо за это платить. Мы убедились на тысяче примеров, что средства, применяемые им самим, обычно идут ему же во вред; избавиться от терзающей в данное мгновение боли вовсе не значит окончательно выздороветь, если при этом общее состояние не улучшилось. <...>

Я настолько люблю сбрасывать с себя бремя каких бы то ни было обязательств, что порою почитал прибылью различные проявления неблагодарности, нападки и недостойные выходки со стороны тех, к кому, по склонности или в силу случайного стечения обстоятельств, испытывал кое-какое дружеское расположение, ибо я рассматриваю их враждебные действия и их промахи

⁹¹ 1 Перевод Н. Я. Рыковой.

⁹² 2 Стремясь не столько к изменению существующего порядка, сколько к его извращению (лат.), – Цицерон.